

Легенды советской Москвы

Александр Васькин

Кутузовский проспект

Легенды советской Москвы

Александр Васькин

Кутузовский проспект

«Автор»

2017

УДК 908
ББК 26.89(2-2Москва)

Васькин А. А.

Кутузовский проспект / А. А. Васькин — «Автор»,
2017 — (Легенды советской Москвы)

ISBN 978-5-9973-4350-7

Леонид Брежнев, Юрий Андропов, Майя Плисецкая, Родион Щедрин, Дмитрий Шостакович, Евгений Евтушенко, Исаак Дунаевский – все эти известные люди, которых принято относить к элите советского общества, жили на Кутузовском проспекте Москвы. А ведь когда-то это место – Дорогомилово – называли не иначе как гиблым, здесь обитала городская чернь и дымили трубами заводы. Сегодня на Кутузовском нет ни одной хрущевки, а все сплошь сталинские дома, в т. ч. и высотка гостиницы «Украина», а среди достопримечательностей – Триумфальная арка, Кутузовская изба, Бородинская панорама, Поклонная гора. Новая книга Александра Васькина из серии «Легенды советской Москвы» расскажет нам о том, как создавался Кутузовский проспект, о его знаменитых домах и жителях.

УДК 908
ББК 26.89(2-2Москва)

ISBN 978-5-9973-4350-7

© Васькин А. А., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Дорогомилово как подмосковная Венеция. Из грязи в князи	6
Последняя сталинская высотка. Гостиница «Украина»	12
«Мы с товарищем Сталиным нарисовали...» Дом «Известий»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Васькин

Кутузовский проспект

© Васькин А.А., 2017

Дорогомилово как подмосковная Венеция. Из грязи в князи

Листая старый пузатый «Справочник улиц Москвы» 1956 года, мы не встретим на его пожелтевших страницах Кутузовский проспект, хотя найдутся в нем и улица Кутузовская слобода, и даже Кутузовские проезд с переулком. Оно и понятно – на карте столицы проспект в честь фельдмаршала появился лишь в 1957 году, что в определенной мере отражает последствия наступившей в стране оттепели. Ибо до этого для названий улиц, площадей и прочих городских объектов нередко использовались фамилии советских вождей разного рода и калибра, причем нередко здравствующих (завод им. Микояна, метрополитен им. Кагановича и т. д.), не говоря уже о многочисленных Заветах Ильича. А тут вдруг вспомнили, что достойные для увековечения (в масштабе проспекта) люди, оказывается, жили и до 1917 года. Хотели, правда, в Кремле назвать проспект именем Сталина, тридцать лет ездившего по нему на работу, но совесть не позволила, времена-то на дворе уже другие стояли...

Кутузовский проспект, обозначив направление Старой Смоленской дороги, стал совершенно новой магистралью, вобравшей в себя массу прежде существующих путей – Большого Новинского переуллка, Новоарбатского моста, построенного в 1957 году, и его продолжения, Можайского шоссе, Кутузовской слободы, отрезка автострады Москва-Минск до границы города, которая в то время наступала раньше и не проходила по Московской кольцевой автодороге (да ее и самой-то тогда не было). Новый проспект, новые дома, новые люди.

А ведь когда-то о престижности здешних мест не было и речи. Захолустная окраина Первопрестольной, бывшая ямщицкая слобода Дорогомилово, через которую и прошел проспект, отродясь не отличалась ни чистотой, ни зажиточностью. Название ей дал то ли новгородский боярин Иван Дорогомилов (следы которого теряются в XIII веке), то ли присказка ямщиков, мол, «Довезем дорого, но мило». Но вот чем точно славилось Дорогомилово, так это своей трясиной и невыносимым запахом. Еще Андрей Белый писал о «вонючих канализационных бочках», которые тащились «к Дорогомилову, где непросошное море стояло коричневой грязи», в которой утонул один дирижер, «два раза в год дирижировавший в Благородном собрании танцами, в день наносивший полсотни визитов, сват-брат всей Москвы». Вот как было, просто «Гримпенская трясина» из «Собаки Баскервилей» Конан Дойла. Ни дать, ни взять. Неудивительно, что в Дорогомилове стоимость земли была в пять-шесть раз меньше, чем, например, на Арбате, где и жил процитированный нами Андрей Белый, который ни за какие коврижки не согласился бы переселиться, даже под предлогом «реновации».

А ямщики появились в Дорогомилове при Иване Грозном, повелевшем перевести своих «государевых ямщиков» из Вязьмы поближе к Москве: «охотники ямские из того Вяземского яму переведены при царе Иване Васильевиче под Москву в Дорогомиловскую слободу», сообщают писцовые книги. Стояла Дорогомиловская ямская слобода на правом берегу Москвы-реки.

У каждой московской слободы было свое профессиональное предназначение для царского двора, в т. ч. и у Дорогомилова, о чем у Ивана Забелина читаем: «Несмотря, однако ж, на такое быстрое распространение города, особенно в течение XVI столетия, он нисколько не изменял своему первоначальному, чисто вотчинному типу. Он все-таки оставался большою усадьбою великого господаря-вотчинника, так что и самое его распространение усложнялось распространением потребностей и нужд этой усадьбы. Целые слободы и улицы существовали как домовные дворовые службы, удовлетворявшие только этим потребностям. Из таких слобод и улиц состояла почти вся западная часть города, именно та часть, которую отделял для своей опричнины царь Иван Васильевич, – все улицы от Москвы-реки до Никитской. Здесь

подле реки находилось Остожье с обширными лугами под Новодевичьим монастырем, где паслись табуны государевых лошадей и на Остоженном дворе (улица Остоженка) заготавливалось в стогах сено на зиму. Здесь же в Земляном городе были запасные конюшни и слобода Конюшенная с населением конюшенных слугителей (улица Староконоюшенная), а в Белом городе аргамачьи конюшни и Колымажный двор (подле Каменного моста). У Дорогомилова перевоза, впоследствии моста, на берегу реки находился государев дровяной двор, готовивший запасы дров (церковь Николая на Щепках).

Дровяной промысел, помимо ямщицкого, стал еще одним источником пропитания дорогомиловцев, позволяя им неплохо сводить концы с концами. Упомянутый историк перевоз есть не что иное, как прообраз моста – в те времена через реку перевоз был лодочный и паромный, затем смастерили т. н. живой мост из связанных бревен, лежавших на воде. А перевозить было что, ибо путь на Смоленск в XVI–XVII веках был еще и дорогой на Запад, по которой приезжали в Москву иноземные дипломаты и негоцианты, высоко ценившие русскую пушнину. К услугам купцов были постоянные воры и трактиры Дорогомилова.

Старая Смоленская дорога позволяла богатеть дорогомиловцам до тех пор, пока царь Петр не решил основать новую столицу на берегах Невы, куда отныне и вел новый Петербургский тракт, взявший на себя функции главной дороги страны. Так, согласно закону сохранения энергии Ньютона, началось увядание Дорогомилова, ибо купцы с большей выгодой и удовольствием въезжали в Москву по другой дороге – и за перевоз платить не надо!

Петровские реформы ударили по ямщикам Дорогомилова и с другой стороны – в 1704 году им запретили торговать и держать в слободе лавки, но голь на выдумки хитра: «Дорогомиловской слободы ямщики, по прозванию обыденки, разбогатели, покинув гоньбу и отбывая с торгу платежей, записались пролазом своим и подлогом в сенные истопники в комнате царевны Наталии Алексеевны и доньне под той опекою имеют торги и лавки немалые», – доносил обер-фискал, налоговый инспектор тех времен. В переводе на современный язык, объективные экономические трудности заставили ямщиков поменять профессиональную ориентацию...

Провидению мало было держать дорогомиловских аборигенов в постоянном поиске новых доходов и областей деятельности – на протяжении нескольких столетий их постоянно донимала своими разливами Москва-река. Сменялись царствования и эпохи, а вода, знай себе, прибывала по весне – никаким реформам не отменить паводка. Когда читаешь газеты более чем вековой давности, складывается ощущение, что вода в Дорогомилово стояла круглый год: хочешь пей, хочешь стирай. Ну чем не Венеция с ее гондольерами! В 1879 году, например, москворецкая вода залила почти всю слободу, поднявшись на более чем два метра. Передвигаться можно было лишь на лодках, вмиг ставших предметом повышенного спроса. Ну а те, кто лодок не имел, отправлялись в опасное плавание на плотках, роль которых выполняли снятые с петель ворота. А в 1908 году Дорогомилово и вовсе оказалось отрезанным от большой земли, т. е. от Москвы. Случилось это испытание аккурат на Страстной неделе, продолжаясь вплоть до Пасхи.

Московский губернатор в 1908–1913 годах Владимир Джунковский рассказывал: «Крымский вал был сух, но зато огромные пустыри близ Голицынской и Городской больниц, Хамовники – низкая его часть, огороды близ Новодевичьего – это было сплошное море. Дорогомилово, Пресня представляли собой Венецию. 11 числа, в Страстную пятницу, вода продолжала подниматься, теплая ночь и солнечное утро как будто придали ей силы. На одну треть Москва была покрыта водой. Новый ряд улиц был под водой, где я еще накануне проезжал верхом, проехать уже нельзя было, всюду сновали лодки; протянуты были кое-где канаты, попадались наскоро сколоченные плоты с обывателями, вывозившими свои вещи. Дорогомилово было отрезано от города, и попасть в Дорогомилковский народный дом я не мог. Со стороны церкви Благовещения в Ростовском переулке открывался чудный вид. Насколько хватало глаза,

весь противоположный берег реки Москвы, все улицы обратились в море сверкающей воды, к Пытылихе и Воробьевым горам глаз тонул в безбрежном пространстве бурлившей воды. Только вдали виднелся как бы висящий в воздухе мост окружной дороги. К 6 часам вечера 11 числа вода поднялась на 13 аршин. На Павелецком вокзале вся площадь была залита водой. Последний поезд отошел в 6 часов вечера с большим трудом, колеса не брали рельсов, наконец, подав поезд назад, с разбега удалось поезду двинуться, и он, рассекая воду подобно пароходу, вышел на сухое место. Вода на станции достигала второй ступеньки вагонов. В это время отовсюду стали поступать сведения – в Дорогомилове вода залила склады сахарного завода, где хранилось 350 тысяч пудов сахара, залило станцию Французского электрического общества, и половина Москвы осталась без света и т. д.»

Упомянутый Джунковским народный дом – это что-то вроде дома культуры, только на дореволюционный манер, совмещавший в себе функции образования, просвещения и культурной работы с населением. Открывая в Москве народные дома, власть пыталась таким образом бороться с революционными брожениями в народе, учить людей грамоте, пропагандировать трезвость как образ жизни. Многие в народных домах было бесплатным: секции, театральные кружки, мастерские, библиотека, воскресная школа, а еще чайная и книготорговая лавка и даже музей. Такие дома открывались в основном в неблагополучных районах, где обитал простой рабочий люд. На Тверской, например, народного дома и быть не могло. А в Дорогомилово ему нашли самое место, в день его посещало до тысячи человек. Народный дом был открыт у Дорогомиловской заставы, отмечавшей границу Москвы по Камер-Коллежскому валу.

Дешевизна дорогомилловских земель привлекала капиталистов и прочих инвесторов, способствуя превращению местности в промзону. Здесь в 1875 году появился знаменитый Трехгорный пивоваренный завод, продукция которого не раз удостоивалась престижных наград, в т. ч. и права ставить на пивных бочках и бутылках государственный герб – символ наивысшего качества. Рядом с этим заводом вскоре вырос другой – газовый, продукцией которого освещалось пивное предприятие. В 1883 году задыхалась фабрика для выработки красильно-древесных экстрактов, а в 1894 году заработал цементный завод. А еще сахаро-рафинадный завод, красильно-аппретурная и канвово-ткацкая фабрики, мыльный завод, завод оцинкованного железа и другие... Отходы отправлялись, само собой, напрямик в Москву-реку.

Ну, а как все это смотрелось со стороны? Чтобы ощутить загородную атмосферу Дорогомилова конца XIX века, откроем путеводитель по Подмосковию 1891 года, его автор Алексей Ярцев сообщает: «К Дорогомиловскому (Бородинскому) мосту ведет от церкви Смоленской Божией Матери долгий спуск, прорезанный в высоком берегу Москвы-реки. В старинные времена именно этот берег назывался Дорогомиловским, говорят, за свою живописность (дорогое – милое). Особенно красива правая сторона, если смотреть с Дорогомиловского моста. За Дорогомиловским мостом, долблющимся под десятками экипажей и пешеходов, начинается теперешнее Дорогомилово. Расположенные в этом районе фабрики, большой проезд по главной улице со Смоленского шоссе, суетливое движение мелкого люда делают Дорогомилово одной из оживленнейших окраин столицы. Население этой пригородной части состоит главным образом из трудового люда: фабричных рабочих, мастеровых, извозчиков, огородников, так называемых мастерков, ведущих самостоятельно маленькие фабрички, и т. п. Уличное движение особенно заметно в праздники, когда отдыхающий простой народ стремится в имеющиеся здесь в изобилии трактиры. За заставой (начинается) район огородников, обрабатывающих расположенные с левой стороны от большой дороги огороды. Большая Старая Смоленская дорога (так называемый Можай) уклоняется тотчас за заставу влево. Чтобы не быть окутанным целыми облаками дорожной пыли, пешеходу нужно свернуть после слободы вправо, за вал. Прямая полевая тропинка ведет к виднеющемуся в полуверсте Дорогомиловскому кладбищу... Выйдя влево с Дорогомиловского кладбища и обогнув ограду Еврейского кладбища, занявшего место бывших здесь боен, вы выступаете снова на большую дорогу и направляйтесь

к обрисовывающейся на расстоянии версты возвышенности. Эта возвышенность – Поклонная гора, с которой открывается такой прекрасный вид на Москву! Когда вы стоите на вершине Поклонной горы и озираете белокаменные громады зданий, построенных на живописно разбросанных холмах, вы испытываете совершенно особое чувство. Вы не отводите глаз от поразительно величественной картины, а в воображении вашем рисуются образы из прошлого этого старого города, сплотившего вокруг себя огромное государство. Вы чувствуете, что этот город с его историей – родной вам, что вы – единица из той народной массы, которая создала его, что в вас одни мысли с нею, одни чувства к родной земле. Десятки прочитанных книг по истории города не дадут такого живого впечатления, как вид на Москву с Поклонной горы... Спустившись с Поклонной горы и повернув по дороге влево, вы направляетесь к Кутузовской избе, одиноко стоящей среди обширного поля. Дорога от Кутузовской избы к Покровскому идет налево по открытому полю. Почти при самом начале пути на берегу Москвы-реки рядом с полотном Смоленской железной дороги раскинулась красильная фабрика г. Кузмичева на земле, принадлежавшей прежде деревне Филям. Тотчас за фабрикой – железнодорожный переезд около моста через Москву-реку. За переездом потянулись веселые рощицы... За ними зеленеют роскошные луговины по берегам речки Фильки, направо видно село Шелепиха».

Дорогомиловский мост, с которого открывался прекрасный вид на слободу, был «живым» еще в 1812 году, а в 1868 году на его месте выстроили новый, Бородинский. Но нас, конечно, интересуют трактиры. Куда же без них! В дорогомилловский трактир отправил героев своего рассказа «На плотках» и Владимир Гиляровский: «Дорогомиллово гудело. По всей набережной, по лужам и грязи шлепали лаптями толпы сплавщиков, с котомками за плечами, пьяные. Двое стариков, обнявшись, возились в луже и, не обращая внимания на это видимое неудобство положения, обнимали друг друга за шею мокрыми грязными руками и целовались. Над самой водой, на откосе берега, раскинув крестом руки, лежал навзничь пожилой рыжий мужик в одной рубахе и в лаптях; пьяный плотовщик продавал еврею полушубок, против чего сильно восставала баба, со слезами на глазах умолявшая мужа не продавать шубы, и вместо ответа получала на каждое слово толчок наотмашь локтем в грудь и ответ: “Не встречай, дура! Ты кто?! А?” Мимо Никиты продребезжала пролетка с поднятым верхом, из-под которого виднелись лишь четыре ноги в лаптях и синих онучах, и одна из этих ног упиралась в спину извозчика. Около трактира толпы народа становились гуще, плотовщики перемешивались с золоторотцами».

Откуда в Дорогомиллово плотовщики? Да все оттуда же. И при Иване Грозном, и при Николае II печи в Москве топили дровами, которые весной, когда наступало половодье, пригоняли плотами из-под Можайска. День, когда плоты приставали к берегу, превращался для тысяч москвичей в праздник, семьями приходили на набережную наблюдать за этим интересным процессом – прибытия плотов в Дорогомиллово: как искусно, мастерски плавщики проводили их под Бородинским мостом! Ремесло это было рискованным и опасным, а ну как свалится работяга в воду, тут уж неси багры. Разгружали плоты под Дорогомилловым, на Красном лугу. Тут же, рядом с Бородинским мостом, был и тот грязный Дорогомилловский трактир, где пропивала свои деньги деревня – сплавщики, а с ними и низы общества, босяки да оборванцы из золотой роты (синоним крайнего обнищания).

Криминогенная обстановочка в Дорогомиллове сложилась соответствующая, создавая кучу проблем городским и полицейским. Ночью сюда лучше было и не соваться. Недаром у того же Андрея Белого встречаем следующий рассказ о его метаниях в «кривых, заборчатых дорогомилловских закоулках» с отцовским пистолетом – «бульдогом». Там мерещилась ему «тень избивателя»: «видел я приподымаемый кулак с движеньем навстречу мне, но бросался рукою в карман: схватить свой – “бульдог”; тулуп отступал, обливая руганью в спину: “Жидовская сволочь!”»

И как написали бы в советских учебниках, только Великая октябрьская социалистическая революция позволила увидеть несчастным дорогомиловским обитателям свет в конце туннеля. Не сразу, конечно, а в 1935 году с принятием т. н. Сталинского плана реконструкции Москвы, по которому Дорогомиловская улица расширялась более чем в два раза, до 70 метров. А Дорогомиловской площади нашли применение своеобразного узла, связывающего Новый Арбат через Дорогомилово с Можайским шоссе, превращенное в одну из самых оживленных магистралей Москвы, шириной чуть ли не до ста метров. «Правая сторона этой магистрали, – диктовал сталинский план, – освобождается от ветхих зданий. Богатые зелёные массивы связывают магистраль с набережной Москвы-реки. В целях разгрузки Арбата прокладывается новая прямая магистраль, так называемая Новоарбатская. Магистраль проходит от Москвы-реки через кварталы Дорогомиловской улицы и Дорогомиловской площади. Набережная Москвы-реки превращается в сквозную магистраль. Набережные озеленяются, берега одеваются в гранит. Москва-река у Дорогомиловской луки спрямляется». Назвать новый проспект предполагалось именем Конституции, другая гигантская магистраль новой Москвы – Аллея Ильича – должна была вобрать в себя Охотный ряд, Моховую, Волхонку и привезти к Дворцу Советов.

Из грязи в князи – как же подходит эта поговорка проспекту. Верна она и в более глубоком смысле. Дети рабочих и крестьян, оккупировавшие кремлевские палаты, решили обосноваться в бывшей Дорогомиловской слободе. Сталин, конечно, не претендовал на отдельную квартиру в Дорогомилове, у него и так было где жить, но, что важно, через Дорогомилово вождь ездил на дачу. Это была правительственная трасса. И негоже было хибарам да лачугам попадаться на глаза вождю. Магистраль должна была стать образцовой, парадной, демонстрируя, таким образом, преимущества самого гуманного в мире демократического советского строя, пусть и на отдельно взятом проспекте.

Мало осталось на Кутузовском старожилов, что не только на своем горбу пережили воплощение грандиозных сталинских планов, но и прожили здесь всю жизнь, сохранив при этом отменную память. Таких людей в принципе не должно было быть, учитывая специфику эпохи. Но одного все же удалось отыскать. Это художник Борис Жутовский, появившийся на свет аж в 1932 году и проживший более восьмидесяти лет в одной и той же квартире в доме рядом с «Бородинской панорамой». Участник легендарной выставки в Манеже, это он, Жутовский, удостоился личного упоминания своего имени товарищем Хрущевым в историческом докладе «Высокая идейность и художественное мастерство – великая сила советской литературы и искусства» (абракадабра какая-то!). Сравнивая живопись Жутовского на выставке в Манеже 1962 года с творениями Александра Лактионова («Письмо с фронта»), Хрущев сказал: «Давайте сравним два произведения живописи – автопортрет А. Лактионова и автопортрет Б. Жутовского. Как бы иные ни думали и что бы они ни говорили по этому поводу, но для всякого здравомыслящего человека, обладающего неиспорченными вкусами, ясно, что картина художника Лактионова привлекает своей человечностью и вызывает уважение к человеку. Смотришь на него, любишь его и радуешься за человека. А кого изобразил Б. Жутовский? Урода! Посмотрев на его автопортрет, напугаться можно. Как только не стыдно человеку тратить свои силы на такое безобразие! Как же так, человек закончил советскую среднюю школу, институт, на него затрачены народные деньги, он ест народный хлеб. А чем же он отплачивает народу, рабочим и крестьянам за те средства, которые они затратили на его образование, за те блага, которые они дают ему сейчас, – вот таким автопортретом, этой мерзостью и жутью? Противно смотреть на такую грязную мазню и противно слушать тех, кто ее защищает...» После такой яркой характеристики Жутовского узнал весь мир. Впоследствии Хрущев уже в отставке извинился перед художником.

Рассказ Бориса Жутовского о жизни на Кутузовском полон интереснейших подробностей, мы будем к нему обращаться в течение всего повествования, а пока впечатления детства: «Кутузовка всегда была правительственной трассой. Вся эта дорога была утыкана вот такой

высоты чугунными шкафчиками – телефонами. В один прекрасный момент все шкафчики начинали звонить. И тогда, откуда ни возьмись, возникало штук 20 НКВДэшников, которые начали гонять нас палками. Тогда мы, утирая сопли, скатывались к подножию горы, где была керосинная дяди Феди. До сих пор люблю этот запах керосина с опилками – весь пол засыпан был опилками. Мы там пережидали, пока Сталин проедет, чтобы опять кататься. Его превосходительство ездило, кстати говоря, всего на двух автомобилях. Потом уже через какое-то количество лет мы уже договорились. Они говорили: “Ребята, уходим”. Мы уходили. Мы скатывались вниз. А тут на углу еще была деревня. В марте 1953 года я побывал на даче Сталина. Попер туда на лыжах из любопытства – он умер только-только. Забор местами разломан был, и я вошел на территорию. Тихо, никого нет – охранный будка с выбитыми стеклами... И только одна тетка выходит в ватнике, в валенках, с ведром и идет к речке полоскать тряпки...»

Район Кутузовского проспекта и прилегающих к нему улиц по своему уникален – здесь почти нет панельных домов, все сплошь т. н. «сталинки» – роскошные и внутри, и снаружи дома с просторными подъездами, квартирами большой площади и высокими потолками, прекрасно разработанным внутримоновым пространством. Все построено прочно и надолго, для людей, очень больших людей, их близких и родственников, а также обслуживающей их тонкой научно-технической прослойки. Прямо как в песне: «Будет людям счастье, счастье на века, У советской власти сила велика». Но ведь никто и не обещал, что счастье наступит сразу для всех. Поэтому Кутузовский проспект – это островок счастья, отдельно взятый кусочек коммунизма, возникший в советской Москве в середине 1950-х годов.

Если бы все же проспекты называли в честь строивших их зодчих, то Кутузовский вправе был бы носить имя Розенфельда. Нет-нет, никакого отношения к большевику Льву Каменеву (Розенфельду) он не имеет. Зиновий Моисеевич Розенфельд, уроженец Витебщины и лауреат двух Сталинских премий, два десятка лет занимался застройкой Кутузовского проспекта еще с конца 1930-х годов, когда и названия-то такого не было. А громко заявил он о себе в начале 1930-х годов, когда спроектировал т. н. «Дом ударников-железнодорожников» на Краснопрудной улице, «сумев создать во многом уникальный и аутентичный образ многоквартирного жилого дома для широкой столичной магистрали». В дальнейшем Розенфельд специализировался на проектировании домов для номенклатуры, можно сказать, собаку на этом съел. Быть может, именно по сей причине застройка Кутузовского среди всех других своих московских собратьев отличается наибольшим стилистическим однообразием и гармоничностью. Не каждому архитектору выпадает такая честь и удача – застраивать целые улицы. Розенфельд – автор проектов домов № 21, 22, 23, 24, 25, 30/32. Ну и, кроме того, работа над проектированием соседних зданий проходила под его чутким руководством и влиянием. Вторую свою Сталинскую премию он получил в 1951 году «за разработку и осуществление индустриальных методов строительства многоэтажных жилых домов в Москве».

Рассказ о домах, их создателях и жителях Кутузовского логично будет начать с самого начала – там, где гордо маячит своим шпилем гостиница «Украина».

Последняя сталинская высотка. Гостиница «Украина»

Это последняя из семи сталинских высоток, заложенных в сентябре 1947 года в Москве. Была еще одна, восьмая, в Зарядье, но ее так и не достроили. Строительство высотных зданий стало важнейшей частью амбициозного архитектурного проекта, осуществленного в послевоенной советской столице по инициативе самого Сталина. Он решил всю Москву застроить небоскребами, предполагалось распространить эту практику и на крупные областные центры, а также на столицы советских республик и стран «народной демократии». В итоге успели возвести семь высоток в Москве, по одной в Риге и Варшаве.

Эти высотные здания не зря до сих пор называют сталинскими. О том, что желание Сталина наводнить столицу высотными домами было вызвано победным окончанием Великой Отечественной войны, свидетельствовал Никита Хрущев: «Помню, как у Сталина возникла идея построить высотные здания. Мы закончили войну победой, получили признание победителей, к нам, говорил он, станут ездить иностранцы, ходить по Москве, а у нас нет высотных зданий. И они будут сравнивать Москву с капиталистическими столицами. Мы потерпим моральный ущерб. В основе такой мотивировки лежало желание произвести впечатление. Но ведь эти дома не храмы. Когда возводили церковь, то хотели как бы подавить человека, подчинить его помыслы Богу».

Возведение высотных зданий в ряде важнейших градостроительных и транспортных узлов Москвы официально объяснялось необходимостью возродить исторически сложившуюся к началу XX века архитектурную планировку столицы, уничтоженную в процессе реконструкции в довоенный период. От этой реконструкции осталась лишь радиально-кольцевая планировка города, да и то не везде. С другой стороны, теоретически строительство высотных домов вытекало из генерального плана реконструкции Москвы 1935 года, в соответствии с которым всеохватывающей и притягивающей доминантой красной столицы должен был стать пятисотметровый Дворец Советов со статуей Ленина под облаками. От этой громады и должны были расходиться лучи, магистрали и широкие проспекты, пробитые через всю Москву.

Со времени своего основания Москва, как и немалая часть древних русских городов, была с архитектурной точки зрения городом вертикалей, зрительно державших и направлявших ее дальнейшее развитие и разрастание. Многие из них были снесены по прямому указанию Сталина в 1930-е годы – храмы Китай-города и Белого города, колокольни Андроникова и Симонова монастырей, Сухарева башня, храм Христа Спасителя. Новыми вертикалями отныне должны были стать сталинские небоскребы. Высотные дома играли в проектах архитекторов роль своеобразной силовой поддержки столпа Дворца Советов. Они перекликались с ним, то отдаляя, то приближая к себе архитектурную перспективу центра столицы, ведь официально планов по строительству дворца никто не отменял. Эта перспектива, простираясь от Дворца Советов, должна была на первом своем этапе включать в себя непостроенное высотное здание в Зарядье (на его месте затем была возведена гостиница «Россия»), с одной стороны, с другой – череду башен Кремля с колокольней Ивана Великого. Следующим звеном был небоскреб в Котельниках, затем – высотки Садового кольца: дом на Красных воротах, МИД на Смоленской, «Украина», другие и, наконец, Московский университет на Ленинских горах.

«Пропорции и силуэт зданий, – читаем в постановлении Совета Министров СССР «О строительстве в Москве многоэтажных зданий» от 13 января 1947 года, – должны быть оригинальными и своей архитектурно-художественной композицией увязаны с исторической застройкой и силуэтом будущего Дворца Советов».

В этом же постановлении было и еще несколько важных указаний. Архитектурный стиль исполнения высоток не назывался, но говорилось, что:

«а) пропорции и силуэты этих зданий должны быть оригинальны и своей архитектурно-художественной композицией должны быть увязаны с исторически сложившейся архитектурой города и силуэтом будущего Дворца Советов. В соответствии с этим проектируемые здания не должны повторять образцы известных за границей многоэтажных зданий;

б) внутренняя планировка зданий должна создавать максимум удобств для работы и передвижения внутри здания. В этих же целях при проектировании зданий должно быть предусмотрено использование всех наиболее современных технических средств в отношении лифтового хозяйства, водопровода, дневного освещения, телефонизации, отопления, кондиционирования воздуха и т. д.;

в) в основу конструкций здания и, в первую очередь, 32- и 26-этажных домов должна быть положена система сборки стального каркаса с использованием легких материалов для заполнения стен, что должно обеспечить широкое применение при сооружении зданий индустриально-скоростных методов строительства;

г) наружная отделка (облицовка) зданий должна быть выполнена из прочных и устойчивых материалов».

Таким образом, «реконструкция» столицы продолжалась, но уже без Дворца Советов. А его сооружение объявлялось делом светлого будущего, временные границы которого отодвигались с каждым новым съездом партии. По каким-то своим, только ему известным соображениям Сталин всячески затягивал со строительством дворца. Вместо одного небоскреба он решил построить множество высотных домов со шпилями. Неслучайно и то, что проекты высоток были утверждены к его семидесятилетию в 1949 году. Возможно, что стареющий вождь хотел оставить потомкам такую своеобразную память о себе. Ведь стоят же до сих пор египетские пирамиды – лучшее воспоминание о фараонах, а чем может похвастать Европа? Есть ли там хотя бы одно огромного размера здание, хотя бы отдаленно напоминающее пирамиду? В Париже есть одна, стеклянная, во дворе Лувра, но вместо фараона в ней расположен вход в музей.

«Тематика московских высотных зданий – университет, административные сооружения, гостиницы, жилые дома – определена важнейшими государственными интересами: историческим значением Москвы как идеологического центра страны, задачами ее дальнейшей реконструкции. Авторы высотных зданий нашли выразительные приемы композиций, при которых функциональные требования, выдвигаемые назначением здания, многообразные условия, градостроительные задачи и художественные формы слились в цельные идейно-художественные образы, раскрывающие величие и силу», – писала тогда газета «Советское искусство».

Выбирали участки под строительство высоток Алексей Щусев, создатель мавзолея, и главный архитектор Москвы Дмитрий Чечулин, которому принадлежит авторство двух небоскребов – на Котельнической набережной и в Зарядье. Щусев же работал над проектом высотной гостиницы в Дорогомилове. Однако главный заказчик щусевскую высотку не принял, возможно, по той же причине, что и остальные, оставшиеся за бортом, – оригинальность и вычурность, выбивавшиеся из общего ряда. Тем не менее его высотку отличали «достаточно высокие деловые качества. Монументальность, которая является отличительной чертой многих произведений Щусева, была присуща и этому его проекту. Масштабность здания вкупе с монументальностью его архитектуры послужили источником значительности, зрелости и эпичности созданного архитектурного образа», – отмечали специалисты.

А Чечулин, в прошлом ученик Щусева, рассказывал позднее: «За короткое время были ориентировочно намечены точки, в которых должны появиться высотные здания. Это было очень ответственное задание. Требовалось четкое планировочное решение, продуманная увязка в единое целое комплексов, ансамблей города. Высотные здания должны были играть роль градообразующих элементов, архитектурных доминант. Проектированием каждого отдельного высотного здания занимались специально созданные авторские группы. В

течение двух лет все проекты предстояло утвердить и начать строительство. Художественный образ каждого здания должен был отличаться своеобразием и в то же время быть глубоко связанным с планировочной структурой города, его сложившейся объемно-пространственной композицией. Высотные дома своей образной сутью должны были придать новое звучание архитектурному облику столицы. Предстояло на основе этого нового качества продолжать дальше строить Москву. Сооружение высотных зданий было для нас абсолютно новым делом. Возникало множество вопросов технологического порядка: как организовать производство стальных каркасов, лифтов, как обеспечить эффективную работу коммуникаций. Бесшумные скоростные лифты, тепловая воздушная завеса, системы управления и регулирования сложного домового хозяйства, автоматизированная система вентиляции и очистки воздуха и многие другие технические новшества впервые у нас в стране были разработаны и внедрены именно в высотных зданиях. Сооружение высотных зданий положило начало индустриальному методу строительства таких объектов».

Первые восемь высоток заложили в дни празднования 800-летия Москвы: «По предложению товарища Сталина Совет Министров Союза ССР принял решение о строительстве в Москве многоэтажных зданий. Это решение знаменует новый исторический этап в многолетней работе по реконструкции Москвы. В Москве должны быть построены: один дом в 32 этажа, два дома в 26 этажей и несколько 16-этажных домов. Проектирование и строительство этих домов возложено на управление строительства Дворца Советов при Совете Министров СССР и на ряд крупнейших министерств. Наиболее крупное здание в 32 этажа будет выстроено на Ленинских горах в центре излучины Москвы-реки. В здании будут находиться гостиница и жилые квартиры... В день восьмисотлетия юбилея Столицы состоялась закладка восьми многоэтажных зданий, которые, по предложению товарища Сталина, будут сооружены в Москве... Одно из 26-этажных зданий было заложено в Зарядье близ Кремля, второе – на территории мраморного завода Метростроя, где будет проходить красивейшая магистраль столицы – Новый Арбат. В этот же день в разных районах Москвы была произведена торжественная закладка пяти шестнадцатипятиэтажных зданий», – рапортовало «Советское искусство».

Именно на территории мраморного завода и была заложена «Украина», только тогда еще она так не называлась. Одним из первых названий гостиницы было «Бородино» – вполне уместное, учитывая историческую связь района с событиями 1812 года. А «Украиной» она стала в 1954 году, когда отмечалось 300-летие воссоединения Украины с Россией и Крым стал частью соседней республики. Заметим, что гостиница «Россия» еще построена не была.

Непригодный для высотного строительства прибрежный грунт реки напомнил о себе, для чего пришлось осушать котлован под фундамент (его глубина должна была быть ниже грунтовых вод на 11 метров) особым методом т. н. иглофильтового водопонижения. Суть его такова: специальная полутораметровая металлическая труба-«иглофильтр» двухдюймового диаметра, испещренная дырками, с металлическим наконечником внизу, погружается в грунт. С помощью подключенного насоса вода отсасывается. И таких труб надо много, по всему периметру фундамента. Облегчению веса многотонного здания способствовал новый каркасный способ строительства, когда «скелет» высотки был целиком смонтирован из стальных балок, соединенных между собой сваркой. В дальнейшем грунтовые воды будут время от времени напоминать о себе жильцам квартир высотки – появляющимся на стенах грибок. Вывести его удастся с большим трудом.

В здании высотки «Украины» (29 этажей, 206 м) первоначально проектировалось 1026 гостиничных номеров и 257 квартир, от одной до пяти комнат, имевших выход на две лестничные клетки. Гостиница строилась ускоренными темпами к Международному фестивалю молодежи и студентов в Москве 1957 года, что не могло не отразиться на качестве. Рабочую силу набирали в основном за пределами столицы, тех, кому выпало строить «Украину», позднее назовут прилипчивым словом «лимита».

Руководителем творческого коллектива проекта «Украины» выступил высокопоставленный архитектурный чиновник – Председатель Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР (1943–47) и президент Академии архитектуры СССР (1950–55) Аркадий Мордвинов. В его работах в наибольшей степени воплотилась концепция социалистического реализма в архитектуре. Мордвинов – инициатор поточно-скоростного строительства жилых домов в Москве (Сталинская премия, 1941). Здания, построенные по его проектам, как правило, создавались для центральных улиц и проспектов, проложенных через уничтожаемую старую застройку города, они отличались протяженностью и торжественностью, декоративностью парадных фасадов, скрывающих подлинную функциональную структуру. Это и дома на улице Горького (1937–39), ныне Тверская улица; на Большой Полянке (1940), на Большой Калужской улице, ныне начало Ленинского проспекта (1939–40), Краснохолмской и Фрунзенской набережных (1940–41, 1956–57). За гостиницу «Украина» он получил еще одну Сталинскую премию (1949).

Высотное строительство не было стезей Мордвинова, поэтому в помощь себе он взял не так давно освободившегося из заключения зодчего Вячеслава Олтаржевского. Это был большой мастер, совсем из другого поколения, он учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1901–1908) и в Академии художеств в Вене (1905), у О. Вагнера. Участвовал в проектировании сооружений Московской окружной железной дороги (1904–1908). Работал с такими крупными мастерами, как М. Перетяткович, И. Рерберг (здания Северного страхового общества на Ильинке (1909–11), Киевского вокзала (1914–20), Купеческого клуба (ныне театр «Ленком», 1907–08)). Среди его самостоятельных московских проектов – доходный дом № 31 в Даевом переулке (1909). В 1924 году Олтаржевский выехал в США для изучения современной архитектуры, жил в Нью-Йорке, сотрудничая с местными проектными бюро и наблюдая за бурно развернувшимся в те годы строительством небоскребов. В результате он стал одним из признанных специалистов в области высотного строительства в Советском Союзе. Вскоре по возвращении в 1934 году в СССР Олтаржевского назначили главным архитектором Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ), где он создал к 1937 году ряд значительных функционалистских зданий, в частности павильон «Механизация», в котором отразился переход конструктивизма к неоклассике. Спроектировал он и главный вход на сельскохозяйственную выставку.

Однако репрессии в Наркомате земледелия в 1938 году коснулись и Олтаржевского, его арестовали, а постройки архитектора на ВСХВ были разобраны (лишь планировка выставки дошла до нашего времени). Обвинение было тяжким: «Из-за имевшегося на выставке вредительства ее строительство было проведено без продуманного генерального плана. Такой важный раздел выставки, как показ новой и старой деревни, совершенно не нашел отражения в генеральном плане». Продолжать творческую деятельность Олтаржевского отправили в Воркуту, где он и отбывал срок главным архитектором. Выпустили его во время войны, в 1943 году.

Архитекторов при Сталине сажали довольно активно. Например, репрессированный в 1938 году бывший ректор Всесоюзной академии архитектуры Михаил Крюков скончался в Воркуте в 1944 году. В 1931 году оказался за решеткой архитектор Николай Лансере. А 1943 году арестовали архитектора Мирона Мержанова, которого не спасло даже то, что он выстроил для Сталина несколько государственных дач. Так что Олтаржевскому еще повезло. Тем не менее его опыт и знания в области высотного строительства пригодились. Он, например, предложил свой вариант высотки на площади Восстания (ныне Кудринская), больше напоминающий лондонский Биг-Бен. Помимо «Украины» Олтаржевский участвовал в 1950-х годах в реконструкции ЦУМа и ресторана «Прага». Однако главным трудом Олтаржевского стала книга «Строительство высотных зданий в Москве», вышедшая в 1953 году и ставшая библиографической редкостью. В ней автор наиболее полно изложил программу превращения капиталистического небоскреба с полным комплексом его технологических новшеств (особо стой-

кие железобетонные или цельностальные каркасы, скоростные лифты, наличие специальных «технических этажей» и т. д.) в «грандиозный образец социалистического по содержанию и неоклассического по форме искусства».

Для высотного здания «Украины» характерно пышное декоративное оформление как внешней его части – обелиски, аттики из пятиконечных звезд, помпезные вазы и т. п., так и интерьеров, особенно главного входа, отделанного мрамором и украшенного круглым живописным плафоном. «Украина» расположена в важном в градостроительном плане месте – у Дорогомиловской излучины Москвы-реки на набережной Тараса Шевченко. Здание строилось в тот период, когда еще не был сооружен Новоарбатский мост и не развилась прилегающая часть Кутузовского проспекта. «Украина», по замыслу архитекторов, и должна была стать вертикальным ориентиром этого проспекта, заложенного как раз в те годы. Полностью значение архитектурного ансамбля проявилось лишь позднее, в конце 1960-х гг., когда раскрылся вид от Арбатской площади и дом замкнул перспективу Нового Арбата. В настоящее время дом является гармоничной составляющей всего ансамбля зданий: мэрии Москвы, Дома Правительства, жилых зданий на набережной Москвы-реки.

Острый ярусный силуэт высотного здания гостиницы, уравновешенность ее частей (авторы предложили создать пропорции главного фасада сетками подобных треугольников), проработанность деталей и членений, удачное расположение в системе пространства Москвы-реки, магистралей и набережных придают гостинице важную роль градостроительного акцента. Вместе с благоустроенным сквером на набережной и памятником Тарасу Шевченко, установленным в 1964 году перед главным фасадом, высотный комплекс является одной из архитектурных достопримечательностей столицы.

В целом проект «Украины» оценивался высоко: «Спокойный ритм боковых поверхностей жилых блоков подчеркивает движение архитектурных масс к высотной части; зеленый партер перед гостиницей органически связывает архитектуру гостиницы с рекой. Сверху весь комплекс представляет собой прямоугольник, в котором одна короткая стена занята главным элементом композиции – высотным зданием гостиницы, две длинные стороны – жилыми корпусами, а вторая короткая сторона широко раскрывает внутреннее пространство комплекса – озелененный двор. Светлая, с золотистым оттенком облицовка здания плитами из подмосковного известняка, введение цветowych мозаик в центральной высотной части, где представлена монументально-декоративная живопись, широкое использование плоских барельефов и объемной скульптуры как искусства – все это в синтезе с архитектурой наиболее полно и конкретно подчеркивает помпезность, грандиозность и величие сооружения. Следует отметить, что стена центральной высотной части гостиницы насыщена барельефом, который не разрывает поверхность стены, как это происходит в некоторых случаях с рельефом. Стена, в данном случае покрытая плоским барельефом, выглядит очень монументально и декоративно и, таким образом, кроме своего функционального, конструктивного значения, помогает раскрытию содержания здания. Вполне вероятно, что скульпторы при оформлении стен ссылались на опыт Индии, Египта, русских соборов во Владимире, дающий очень высокие образцы применения барельефа в сплошной обработке стены. Следует отметить, что в Греции и Риме применение барельефа иное: там он не так самостоятелен, а служит лишь частичным украшением стен (фронтон и фриз). При этом барельеф меняет свой характер в сторону горельефа и содействует дроблению плоскости стены. Эта тенденция превращения плоскостного барельефа в горельеф продолжается и усиливается в готике и барокко, где даже орнаменты становятся объемными, доходя до своего наибольшего развития в орнаменте рококо».

Нельзя не привести и другое мнение, в соответствии с которым «жутковатые громады, выросшие по бокам новой трассы, затерли своей серостью гостиничный шпиль, который на их фоне выглядит саженцем средних размеров, тянущимся из-под асфальта Нового Арбата». Дело в том, что московские архитекторы, проектируя проспект Конституции (будущий Куту-

зовский), предполагали застраивать его домами раза в три меньшими по высоте, нежели существующие. Именно так выглядит Кутузовский проспект, который успели построить еще по первоначальному замыслу.

После смерти Сталина начались гонения на архитекторов-высотников, обвиненных во всех смертных грехах. Оказалось, что это они навязывали Сталину свои проекты, а не он заставлял их плодить как грибы дорогостоящие небоскребы, похожие друг на друга своими однообразными шпилями. И то, что советские люди ютились в коммуналках, бараках и землянках, виноваты тоже были зодчие. Руководитель авторского коллектива проекта «Украины» президент Академии архитектуры СССР Мордвинов вызвал на себя основной гнев Хрущева на Всесоюзном совещании строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов в 1954 году: «Мы с вами, товарищ Мордвинов, часто встречались по работе в Москве. Я знаю вас как хорошего организатора... Но после войны товарищ Мордвинов изменился. Не тот стал Мордвинов. Как поется в опере “Царская невеста”: “Не узнаю Григория Грязнова!” (Смех, аплодисменты)» (из стенограммы совещания).

На Втором всесоюзном съезде советских архитекторов Мордвинову припомнили все его прошлые заслуги, как это у нас часто водится, когда всякого рода моськи лают на еще недавно поражавшего и нагонявшего на них страх слона: «Следуя за нашими лидерами в архитектуре, мы стали делать и писать то, что, как нам казалось, более всего отвечало потребностям народа и государственным интересам, но что на самом деле исходило лишь от отдельных власть имущих лиц... Не потому товарищ Мордвинов насаждал ампиры и высотные композиции, что был любителем ампира и высотных композиций, а потому, что утратил партийную принципиальность... Мне кажется, что Мордвинов и некоторые другие архитекторы стали бы насаждать и готику, стали бы строить и египетские пирамиды, если бы услышали, что какое-то влиятельное лицо одобрительно отозвалось о Реймском соборе или пирамиде Хеопса», – говорил с трибуны съезда близкий к Хрущеву архитектурный чиновник с Украины. В ответном слове Мордвинов кается: «В послевоенные годы я сделал грубейшую ошибку, рассматривая в своей брошюре 1945 года только архитектурно-художественные вопросы... Сама постановка вопроса была порочна... Товарищи, я глубоко осознал свои ошибки и свою вину». Мординова сняли с высоких постов и отправили застраивать хрущевками подмосковные Черемушки.

В фильме «Верные друзья», снимавшемся еще при Сталине и вышедшем на экраны в 1954 году, действие одного из эпизодов происходит на стройплощадке будущей гостиницы. Здесь герои в поисках своего друга академика Нистратова карабкаются вверх, параллельно обзревая столицу с птичьего полета. К тому времени уже были отстроены жилые корпуса и возведен шпиль здания. Окончание работы над «Украиной» проходило в нервной обстановке – сам стиль ее исполнения был обозначен как порочный, но не взрывать же уже построенную высотку! О бесхозяйственности, царившей на стройке, свидетельствуют воспоминания рабочей Марии Сасиковой: «Здание к тому времени было уже построено, шла внутренняя отделка: штукатуры, маляры, плиточники, паркетчики и другие мастера. Работали казачки, женщины из Белоруссии и Украины, ребята из Брянска и Смоленска – в общем, со всей страны. Как не имеющая специальности, я была подсобной рабочей. И на стройке меня очень волновало то, что вокруг валялось много новых гвоздей, битого стекла и плитки. Умом-то понимала, что это издержки любой стройки, а душой болела, глядя на бесхозяйственность. На тот момент облицовывали цеха ресторана в цокольном этаже. Бывало, днем плитку положат, а за ночь половина ее отвалится. И тогда наутро приходилось всю плитку сбивать и заново искать концентрацию раствора, чтобы держалось...»

Добавим, что плитка иногда обваливалась не только на следующий день, но и через месяц после сдачи домов в эксплуатацию – эти особенности отечественного строительства живы и по сей день.

«В обеденный перерыв, – продолжает Сасикова, – меня всегда просили занять очередь в столовую, и я пробивала в кассе талоны на комплексный обед для всей бригады. Кормили хорошо. До сих пор помню вкус щей из квашеной капусты, супа горохового, котлет с гречневой кашей или макаронами с обязательным компотом. А как пели в обеденный перерыв или по дороге домой за городом – голоса у всех звонкие, задушевные! Возвращаясь с работы, успевали сделать необходимые покупки. Хорошо помню Дорогомилловскую улицу того времени. Выходя на нее по Луговому переулку, слева, в магазине “Мясо”, я на выходной покупала кусок гуся (тогда его рубили по желанию покупателя), а рядом, в магазине “Рыба”, – сельдь исландскую. Через дорогу, в овощном магазине, в кадках стояли капуста квашеная и провансаль, соленые грибы, огурцы и помидоры, томат-паста в лотках. Рядом “Галантерея” и “Булочная”. А ближе к Бородинскому мосту работали Бородинские бани. Замечательные!»

Позитивный фон интервью, взятого у простого советского человека сотрудницей гостиницы «Украина» Н. Калининой, вызван тем, что в 1954 году жизнь людей заметно изменилась. Снижение налогового бремени на крестьян сразу сказалось на снабжении городов: на прилавках магазинов появилось мясо, рыба, овощи. Ставший главой правительства после Сталина Георгий Маленков даже позволил себе такую фразу на представительном совещании: «Товарищи! Нельзя столько взваливать на плечи одного поколения!» Эти слова стали известны в народе, их можно было трактовать и как призыв прекратить издеваться над людьми. «Пришел Маленков – поели блинков!» – так отразился этот короткий период в народном фольклоре.

Кстати, столь разнородный состав рабочих на стройке иллюстрирует изменение подхода к методам строительства, ибо в прежнее время основным источником трудовых ресурсов была армия и ГУЛАГ. Заключение возводили МГУ, высотку на Котельнической набережной, да и то из-под палки. Затянувшееся окончание работ по «Украине» было вызвано нехваткой квалифицированных рабочих рук, вот и везли молодежь со всей страны. А уж они, у себя в деревне и мяса не евшие, были ох как рады гороховому супу с гречкой. Потому и запомнили этот вкус на всю жизнь, будто гусиную печень попробовали.

За ударный труд на строительстве «Украины» Марии Сасиковой записали благодарность в трудовую книжку. Она была на седьмом небе от счастья. А в 1960 году дали комнату в коммуналке в доме № 24 по Кутузовскому проспекту.

В 1954–1957 годах на стройплощадку неоднократно наезжали Никита Хрущев и Екатерина Фурцева (партийный вожь столицы), пристально наблюдая за тем, чтобы плитка не отваливалась. В 1957 году на Всемирный фестиваль молодежи и студентов ожидался приезд более 30 тысяч иностранцев со всей планеты. Наиболее представительную часть делегатов предполагалось поселить в «Украине», особенно из капстран, чтобы они, вернувшись восвояси, чего-нибудь там не сказали плохого. Так что в строгом контроле со стороны власти было заложено и желание пустить пыль в глаза.

Как известно, Сталин лично распорядился завершить все высотки шпилями («чтобы как в Кремле было»), итогом же вмешательства товарища Хрущева в строительство «Украины» стали огромные декоративные вазы на крыше – символы плодородия самой урожайной советской республики. Одна такая ваза фактически весит 26 тонн, что в полтора раза больше рассчитанной проектной нагрузки на башню, определенной всего в 18 тонн. Само же здание весит более двухсот тысяч тонн.

Гостиницу оснастили по последнему слову техники, возникло даже такое понятие, как «советский сервис» (помнится, Аркадий Райкин, изображая работника «советского сервиса», никак не мог выговорить это слово, шепелявя и картавя). Многое здесь было ново. Для транспортировки белья со всех этажей в прачечную, что оборудовали в подвале, сконструировали необычный трубопровод. Смонтировали мощную систему кондиционирования воздуха. Установили восемь лифтов. Мебель для номеров изготавливали из дерева, оригинальную, по спецзаказу, более 15 тысяч столов и стульев.

Позаботились и об эстетических впечатлениях приезжавших в Москву граждан и господ. В вестибюле соорудили фонтан, а на самом верхнем 30-м этаже – кафе с возможностью рассматривать Москву с птичьего полета. К услугам гостей были открыты почтовое отделение, кассы по продаже билетов на все виды транспорта, театральные кассы, книжный и табачный киоски, магазины сувениров.

«Височки прямые или косые?» Этот сакраментальный вопрос простые советские парикмахерши из «Украины» задавали в т. ч. и иностранным гостям, не понимающим по-русски ни бельмеса. Уж и не знаем, как им удавалось получить правильный ответ, только парикмахерская эта славилась на всю Москву. Здесь стриглись и местные школьники, и даже лично супруга Леонида Ильича. А сам дорогой бровеносец регулярно вызывал к себе заведующую парикмахерской для маникюра и – о ужас! – педикюра. Даже трудно представить, что сказал бы товарищ Сталин, – разве об этом мечтали большевики-ленинцы в ссылках и на каторгах? О буржуазных привычках генсека мы еще поговорим.

Персонал для работы в гостиницу отбирали строго, тщательно проверяли, а потом следили – чтобы не было неполюженных контактов с иностранцами. Актриса Виктория Федорова рассказывала, что одну из горничных уволили после того, как та познакомилась с ней американку, остановившуюся в «Украине». И все же «Украина» не была интуристовской гостиницей, как «Националь» или «Метрополь», класс обслуживания в ее номерах был ниже, да и стоимость услуг «интердевочек» гораздо меньшей. В «Украине» останавливались командировочные чиновники областного и республиканского масштаба, участники всякого рода выставок, Олимпиады-80, а в 1988 году здесь был штаб празднования 1000-летия Крещения Руси. Один из высоких церковных постояльцев, оценив гостеприимство «Украины», даже оставил в подарок Библию.

Принимать святых отцов в номерах гостиницы – одно удовольствие, не пьют, не курят (а значит, не прожигают сигаретами диваны и кресла), возвращаются вовремя, ночью спят. Чего не скажешь про другую категорию гостей – футбольных и хоккейных болельщиков из разных стран мира. От них тоже оставались «подарки» – нередко после проигрыша любимой команды они устраивали погромы в номерах, ломали мебель, разбивали бутылки, распарывали подушки, выбрасывая их содержимое на улицу. Пух и перья летели во все стороны. Дебоширили и фанаты из Лондона, причем независимо от результатов матча. В эти дни персонал гостиницы занимал круговую оборону.

В настоящее время в гостинице «Украина» завершены реставрационные работы, а в ноябре 2007 года произошло обрушение одной из восьми декоративных башен высотки. Обрушившийся фрагмент упал на крышу здания, которое на тот момент уже более полугода находилось на реконструкции. По одной из версий, причиной обрушения стали применявшиеся пятьдесят лет назад некачественные стройматериалы – кирпич и строительная смесь, не соответствовавшие маркам, заявленным в проектной документации. По другой версии, виной всему послужило нарушение технических требований к реконструкции подобных зданий. После реконструкции интерьеры «Украины» значительно преобразились, превратив ее из трехзвездной гостиницы в фешенебельный отель категории «пять звезд».

И сегодня интерьеры «Украины» превратились в своего рода конкурентное преимущество, ибо мало где еще сохранилась обстановка эпохи 1950-х годов. Да взять хотя бы живописный плафон в вестибюле «Праздник труда и урожая на хлебосольной Украине» 1957 года диаметром 10 метров. Редко кто из иностранцев не пытается на фоне его сфотографироваться, хотя это и не так просто – плафон-то на потолке! Неплохая коллекция соцреализма украшает коридоры и номера гостиницы, в т. ч. картины Александра Дейнеки, Михаила Ромадина и других художников. А но-вым приобретением стала знаменитая диорама центра Москвы, созданная Ефимом Дешалытом в 1977 году для выставки в Лос-Анджелесе. Макет центра Москвы в

масштабе 1:75 сам по себе стал артефактом – ведь на нем сохранилась столица сорокалетней давности!

В жилых корпусах высотки жили писатели-супруги Константин Ваншенкин и Инна Гофф. Ваншенкин вспоминал: «Квартиру в этом доме мы с Инной получили в 1955 году. Я к тому времени уже как четыре года был членом Союза писателей. Конечно, условия жизни здесь было не сравнить с прежними. До переезда в высотку мы жили на Арбате, в доме с печным отоплением, я сам колочил дрова. А здесь – горячая вода, централизованное отопление. Начинка была как в лучших зарубежных отелях. Роскошь чувствовалась особенно после Арбата – отделка помещений, огромные холлы, люстры и т. д., я уже не говорю про мусоропровод... Наша однокомнатная квартира находилась на девятом этаже. Кроме нас, квартиры в высотном доме получили и другие писатели. В этом же подъезде поселились Анатолий Рыбаков, Борис Бедный (автор сценария к кинофильму «Девчата»). Леонид Соболев жил с другой стороны. Он называл наш дом “недоскребом”».

Вид из нашего окна был потрясающий: на Старое Дорогомилово, Ленинские горы, недавно построенный Московский университет. Очень красиво было наблюдать закат солнца. Когда первый раз к нам в гости зашел Виктор Некрасов, он сел на подоконник и сказал: “Я бы мог всю жизнь просидеть на этом подоконнике и смотреть в окно”.

А в дни Московского фестиваля молодежи и студентов под окнами все буквально бурлило. Новоарбатского моста еще не было – чтобы попасть к нам, нужно было ехать через Бородинский мост. В центральной части высотки, где была гостиница “Украина”, работал довольно хороший ресторан, в котором я нередко бывал и после того, как мы отсюда переехали. Захватывал я и в гостиницу, когда кто-либо из моих приехавших в Москву друзей останавливался в “Украине”.

А переехали мы по причине тесноты. Квартирка была маленькой. Нам с Инной – двум писателям – было тесно работать в таких условиях, ведь одно дело – возвращаться каждый день домой после работы, а другое – работать дома. В 1957 году мы переехали на Ломоносовский проспект, в несравнимо большую двухкомнатную квартиру».

Анатолий Рыбаков, автор «Детей Арбата» и книг про Кроша, «Кортик» и «Бронзовую птицу», жил в квартире № 124. Он прошел огонь, воду и медные трубы, жил под псевдонимом, при этом оставшись человеком. Черниговский уроженец (р. 1911), детские годы он прожил на Арбате, а вот возмужал в Дорогомилово – после школы работал на местном химзаводе грузчиком, затем шофером. В 1930 году поступил в Московский институт инженеров транспорта, а через три года угодил за решетку за анекдот и получил 3 года ссылки. Освободившись, работал в провинции (в Москву въезд ему был запрещен). Свою судимость он смыл кровью во время войны, служба в автомобильных частях. К концу войны начальник автослужбы 4-го Гвардейского стрелкового корпуса Рыбаков носил на погонах майорскую звездочку. В мирное время он стал активно публиковаться и в 1951 году за роман «Водители» как молодой прозаик удостоился даже Сталинской премии второй степени. Рыбакова много экранизировали, в основном произведения для молодой аудитории. Но настоящая популярность пришла к нему в 1987 году, когда вышел его главный роман.

«Над “Детями Арбата”, – вспоминал Рыбаков, – я начал работу в самом конце 50-х годов. Впервые роман был анонсирован в журнале “Новый мир” в 1966 году. А. Т. Твардовский очень хотел его напечатать, я услышал от него много добрых слов, но сделать это не удалось. Второй раз “Дети Арбата” были заявлены “Октябрем”, шел уже 1978 год, но это тоже окончилось неудачей. А работа продолжалась. А. Т. Твардовский имел в руках только первую часть романа, потом, когда стало ясно, что опубликовать “Дети Арбата” не удастся, я стал работать над второй частью, а когда роман был вторично “закрыт”, написал третью его часть. Никто уже не верил, что “Дети Арбата” когда-нибудь будут напечатаны, даже мой самый большой друг, жена, не верила, а я не останавливался: все дела нужно доводить до конца».

Трудно назвать другого более читаемого в те годы здравствующего советского писателя, которого узнали и на Западе. Тогдашний президент США Рональд Рейган сказал: «Мы рукоплещем Горбачеву за то, что он вернул Сахарова из ссылки, за то, что опубликовал романы Пастернака “Доктор Живаго” и Рыбакова “Дети Арбата”».

У Рыбакова осталось любопытное воспоминание от перестроечных времен: «Из ЦДЛ мы отправились домой в Переделкино. По дороге на Кутузовском проспекте заехали в магазин “Диета”, где раз в неделю писатели могли купить набор продуктов, так называемый “заказ”: курицу или килограмм мяса, полкило сосисок или полкило “докторской” колбасы, килограмм селедки, килограмм гречневой крупы или риса, килограмм сахара, банку сгущенного молока, баночку растворимого кофе, пачку масла, печенья и чая. Не густо для семьи на неделю, но все же еда, в магазинах ничего нет. Стоим с Таней в очереди, двигаемся потихоньку к продавщице, входит в магазин старушка, видит гречневую крупу, мясо, сахар на прилавке, пристраивается в хвост. Ей объясняют: “Бабушка, здесь заказы для учреждения”.

– Господи, когда вы только нажретесь! – говорит старушка и отходит к пустым полкам».

Наступали уже те годы, когда гласности было много, а продуктов мало. Консервативно настроенные публицисты даже использовали выражение «дети Арбата» для обозначения рвущихся к власти демократов. При Ельцине Рыбаков писал продолжение своих арбатских детей, скончался писатель в 1998 году.

Среди ярких и первых представителей художественной интеллигенции, поселившихся в доме, – кинорежиссер Сергей Герасимов и актриса Тамара Макарова. Супруги прожили вместе 55 лет, не имели детей, а лишь приемного сына Артура Макарова, писателя и сценариста. Как к своим детям относились Герасимов и Макарова и к ученикам по ВГИКу, среди которых были Сергей Бондарчук, Лев Кулиджанов, Татьяна Лиознова, Инна Макарова, Нонна Мордюкова, Вячеслав Тихонов, Николай Рыбников, Жанна Болотова и другие. Многих из них Герасимов снимал в своих фильмах (а всего он создал более тридцати кинокартин). Как правило, главную роль отдавал всегда Макаровой, только вот в «Тихом Доне» места для нее почему-то не нашлось. В последнем фильме «Лев Толстой» Сергей Аполлинариевич сыграл великого писателя, а Тамара Федоровна – Софью Андреевну. На двоих у них было пять Сталинских премий, в этом незримом соревновании они не догнали семью Пырьева с Ладьиной (одиннадцать премий), но опередили Александрова с Орловой (четыре премии).

Фильм «Молодая гвардия», снятый в Краснодоне по горячим следам в 1948 году, принес исполнителям главных ролей – Мордюковой, Тихонову, Шагаловой, Гурзо, Юматову – всеобщую известность. Однако после разоблачения культа личности Герасимову пришлось переделывать кинокартину и резать по живому – выяснилось, что предателем подпольной организации на самом деле был не Стахович (его играл Евгений Моргунов), а Почепцов, что привело к переозвучиванию соответствующих эпизодов картины.

После смерти Герасимова в 1985 году в его сейфе была найдена копия запрещенного фильма Александра Аскольдова «Комиссар» 1967 года, она оказалась единственной – все остальные было приказано смыть. Благодаря этой находке фильм посмотрели во всем мире и оценили по достоинству.

Пасынок Артур, приходившийся к тому же Макаровой племянником, был человеком в московской богеме известным, дружил с Высоцким, Тарковским, Шукшиным. У последнего он сыграл маленькую роль в «Калине красной» – персонажа в воровской малине. Через Артура Герасимов и Макарова познакомились с молодым и никому тогда неизвестным Ильей Глазуновым. Он не раз бывал в их квартире на Кутузовском: «Живя в общежитии университета и удивляясь, что меня до сих пор не выгнали, я по предложению великой актрисы Тамары Федоровны Макаровой и ее мужа Сергея Аполлинарьевича Герасимова приступил к работе в качестве художника над фильмом о сбитом во время Великой Отечественной войны американском летчике, который спустя много лет возвращается в Россию, чтобы снова посетить деревню,

куда занесла его буря войны (фильм «Память сердца» 1958 года. – А.В.). Не скрою, меня особо интересовали обещанная московская прописка с комнатой и, само собой, гонорар. Режиссером фильма была тогда начинающая Татьяна Лиознова. Я увлеченно работал над эскизами и как-то не придавал особого значения тому, что предварительно надо заключить договор на работу. Мои эскизы понравились. Лиознова отвергла лишь один из них – избу председателя колхоза: “Вы должны показать не нищенскую обстановку, а изобразить интерьер побогаче, чтобы вернувшийся американский летчик понял, как много изменилось у нас после войны. Надо, чтобы в избе был городской гарнитур – ведь наши колхозы богаты!” Я был горяч, молод и наотрез отказался создавать липовый интерьер в столь знакомых мне колхозных избах. “Я за правду жизни, а не за правду социалистического реализма”, – пытался я убедить Лиознову. Она была непреклонна. “Оставьте ваши эскизы, в конце фильма мы с вами рассчитаемся”. Прошло несколько месяцев, и я узнал, что заглавным художником фильма назначен некто Ной Сендеров – работник Свердловской киностудии. Никогда не забуду, как я, нищий и голодный, буквально оглушенный безнадежностью своего положения, пришел на киностудию имени Горького получить обещанный гонорар. Меня встретил сидящий за столом синклит неведомых мне лиц. “Чем вы докажете, что в фильме использованы ваши эскизы?” – зло спросил один из сидящих за столом. “Это видно по съемочному материалу”, – ответил я. “А где ваши эскизы?” – продолжался допрос. “Как где? Оставил на студии по требованию Лиозновой”. – “Мы никаких эскизов не видели, а если вы оставляли, покажите документ – когда и какое количество вы оставили”. – “У меня нет никаких документов”, – ответил я растерянно. “Неужто вы работали без договора? – удивился допрашивающий. – Но по договору над этим фильмом работает художник Ной Сендеров. И все ваши претензии на оплату несуществующих эскизов в высшей мере странны и пахивают уголовщиной”. Вмешался другой член “трибунала”: “Сколько раз я говорил, что не надо приглашать никого с улицы, в кино должны работать профессионалы и честные люди! А вам же, – он посмотрел на меня, – за подобные домогательства может не поздоровиться. Не советую вам больше появляться на студии”.

Я ушел подавленный, с гадливым чувством наглой обманутости и поехал к столь уважаемой мною Тамаре Федоровне Макаровой, которая жила в высотном доме на Кутузовском проспекте. “Ильюша, я и Сергей Аполлинарьевич относимся к вам с искренней любовью. Каждое утро люблю вашу “Девочку с одуванчиком”, которую вы подарили мне. В ней столько чистоты и нежности! Но здесь я ничем помочь не могу. У студии свои законы. Главный человек – это режиссер. Меня саму пригласили играть в этом фильме. Вы же отказались от предложения сделать то, что просила Танечка Лиознова”. И, улыбнувшись своей очаровательной светской улыбкой, добавила: “Лиознова – режиссер фильма, талантливая и интеллигентная”. После многозначительной паузы Тамара Федоровна продолжила: “Наша семья восхищается вами как художником, я очень рада, что вы подружились с моим племянником Артуром Макаровым. Я знаю, что вы сделали прекрасные эскизы к фильму, но Таня выбрала другого художника, и особо никто не знает сейчас, где ваши эскизы, и потому вы не сможете получить гонорар, обещанную прописку и однокомнатную квартиру, о которых поначалу шла речь“. И снова она одарила меня обворожительной улыбкой, знакомой мне с детства по многим кинофильмам: “Вот я, например, всю жизнь мечтала сыграть героиню, которую бы мысленно не хлопала по плечу. До сих пор жду своей заветной роли. Художникам легче – они творят в одиночку”», – вспоминал Глазунов, ушедший в тот вечер из этого дома ни с чем.

Скончавшись в 1997 году, Макарова пережила не только супруга (до конца жизни писала ему письма), но и пасынка. Артура Макарова зарезали на квартире его близкой подруги актрисы Жанны Прохоренко в 1995 году. А в 2015 году пятикомнатная квартира Герасимова и Макаровой площадью в 170 квадратных метров была выставлена на продажу по цене 224 миллиона рублей.

В этом доме жил и Борис Бабочкин, переигравший множество персонажей на сцене Малого театра, но в памяти народной так и оставшийся исполнителем роли Василия Ивановича Чапаева, легендарного комдива из одноименного фильма. Кажется, что не было более любимого в народе героя анекдотов, а все благодаря Бабочкину.

В доме жила семья Героя Советского Союза, летчика-испытателя, генерал-майора Алексея Пахомова. Здесь выросла его дочь – популярнейшая советская спортсменка, выдающаяся фигуристка, чемпионка Олимпийских игр в Инсбруке 1976 года, шестикратная чемпионка мира и Европы по спортивным танцам на льду Людмила Пахомова. Позднее в доме поселился и ее супруг Александр Горшков, любимый советским народом фигурист.

В высотке на Кутузовском также проживали летчики, Герои Советского Союза Иван Федоров (тот, что хвастался «рыцарским крестом» от Геринга) и Евгений Степанов, актер Валентин Гафт, поэт Евгений Евтушенко, дважды Герой Советского Союза танкист Андрей Кравченко, конструктор автозавода ГАЗ Андрей Липгарт, акробат Евгений Милаев (зять Леонида Брежнева), певец Владимир Нечаев (правда, без Бунчикова), чемпион мира по шахматам Тигран Петросян.

Все эти замечательные люди время от времени заходили в расположенный в жилом корпусе со стороны Кутузовского проспекта большой гастроном, который своими интерьерами вряд ли мог тягаться с «Елисеевским», но все же отличавшийся высокими потолками, мраморными полами и колоннами, тяжелыми люстрами. В Советский Союз система самообслуживания пришла гораздо позже, чем она утвердилась на Западе. Продукты продавали по отделам – овощи-фрукты, бакалея, рыба, мясо и т. д. За прилавками стояли наряженные чуть ли не в украинские вышиванки продавщицы. В магазин напрямую из Киева поставляли «Украинскую» колбасу с чесночком (ее продавали «колясками» – так называлась изогнутая форма колбасы), аппетитные батоны «Полтавской», сметанку, творожок, торт «Киевский», паляницу – приплюснутый украинский каравай из пшеничной муки с большим «козырьком»-коркой сверху, а также горилку с перцем.

Известен был и ресторан «Украины», где частенько устраивались банкеты с участием небедной советской творческой интеллигенции – поэтов-песенников, скульпторов-многостаночников и т. д. Ну а те, кто не мог себе позволить посидеть за одним столом с Евтушенко, все же имели возможность откусать ресторанных блюд. Их реализацией занимался магазин «Кулинария» в соседнем доме № 4. Там тоже продавали «Киевский торт» за 3 рубля 20 копеек.

«Мы с товарищем Сталиным нарисовали...» Дом «Известий»

По нечетной стороне Кутузовский проспект начинается с большого дома № 1/7, что стоит еще и по набережной Тараса Шевченко. Он был построен для сотрудников издательства «Известия» в конце 1940-х годов. В СССР пресса имела большую силу и привилегии, существуя по пословице «То, что написано пером, не вырубить топором». Напечатанные в газетах передовицы играли роль библейских заповедей. На всех центральных московских улицах, у станций метро, крупных общественных зданий стояли специальные стенды, где каждое утро вывешивались свежие газеты. И самое главное, что народ их усердно читал, в основном по пути на работу. Если принять во внимание, что на первой полосе большинства советских газет содержался один и тот же призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», то получается, что читатели – пролетарии – объединялись как раз вокруг этих уличных стендов для чтения. Только в «Красной звезде» было написано другое: «За нашу советскую Родину!»

Чтение утренних газет носило не только просветительскую и информативную функцию, но и служило весьма полезным занятием, помогавшим жить и работать. В фильме «Доживем до понедельника» праведный учитель истории Мельников упрекает своего фронтового друга, школьного директора, в том, что для того передовица газеты – это глоток свежего воздуха. А как же иначе, ведь именно из свежей газеты черпает директор указания о том, как должен трактоваться тот или иной исторический факт в свете последнего пленума. И если директор и колеблется в оценке событий, то только с линией партии.

Центральные советские газеты были престижным местом работы, устроиться в них провинциальному журналисту считалось редкой удачей, там платили солидные гонорары, они имели свои санатории, поликлиники, жилые дома. Один из таких и стоит на Кутузовском проспекте. Проектировал его маститый зодчий Леонид Поляков, автор гостиницы «Ленинградская», принесшей ему Сталинскую премию в 1949 году. Учился он в Академии художеств в Петрограде (1923–29) у Ивана Фомина. Свойственные его стилю такие качества, как цельность и ясность композиции, а в ряде случаев – и открытая стилизация мотивов Возрождения, выразились, в частности, в жилых домах на Арбате и в Спиридоньевском переулке (оба 1933–35), в главном входе на Выставку достижений народного хозяйства (1954). Наиболее ярко мастерство Полякова проявилось при проектировании станций московского метрополитена: лаконично-строгая «Курская»-радиальная (1938), ампириная «Октябрьская»-кольцевая (1949; Сталинская премия, 1950), пышно-дворцовая «Арбатская» (1952, совм. с В.В. Пелевиным). Поляков преподавал в Московском архитектурном институте (1945–65) и Московском высшем художественно-промышленном училище (1958–1965), был главным архитектором Севастополя (1948–50)...

А в 1954 году наступила расплата за успех. После смерти Сталина Полякова просто-напросто раздавили, вытерев об него ноги. Именно его высотка «Ленинградская» была объявлена самой дорогой. Когда в 1954 году начался пересмотр данных ранее превосходных оценок проектам высотных зданий, использованные Поляковым «национальные мотивы старорусского зодчества» стали главным объектом критики не только этих конкретных зодчих, но и всей команды сталинских лауреатов-высотников. Из уст в уста передавались слова Хрущева, брошенные им в адрес одного из предметов интерьера «Ленинградской»: «Это что еще за паникадило?» – только и сказал борец с культом личности, имея в виду огромную и в своем роде уникальную люстру гостиницы. Внезапно прозревший коллега Полякова Лев Руднев писал о нем: «Тщеславие порождает в ряде случаев произведения дурного вкуса, подчас выпадающие

из ансамбля. Черты фальшивой, буржуазной помпезности и необузданного украшательства находим мы в интерьерах гостиницы “Ленинградская”».

После публичного остракизма, которому подвергся Поляков, по советским идеологическим традициям виновный должен был торжественно раскаяться, признать свою вину, заверив в этом родную партию и правительство. Но вместо этого он продолжал упорствовать и не убрал из своих «неправильных» проектов излишества. Тем самым он вновь вызвал на себя огонь критики. Произошло это весьма торжественно – на Втором всесоюзном съезде советских архитекторов в ноябре 1955 года в Москве. А набросился на Полякова его же коллега – ответственный секретарь Правления Союза архитекторов СССР П. В. Абросимов, сам получивший Сталинскую премию за участие в проектировании высотки МГУ. В ответ Поляков буквально молит о пощаде: «Я думаю, что выступать с покаянной речью, откреститься от всего сделанного мною и наобещать в самом непродолжительном времени стать безгрешным было бы несерьезным. Поэтому я ограничусь тем, что скажу о своем полном согласии со всей критикой в мой адрес. Было бы неискренним с моей стороны, если бы я скрыл от вас то глубокое горе, которое мною овладевает, когда я вижу, что мои значительные произведения приняты и поняты не так, как я ошибочно рассчитывал... Я заверяю вас, что приложу все свои усилия для того, чтобы создать новые произведения, которые будут удовлетворять мою художественную совесть и в то же время ответят всем условиям современного строительства, будут поняты и приняты советским народом... Я отнюдь не похож на того субъекта с медным лбом, которого нарисовал в своем докладе товарищ Абросимов и назвал моей фамилией. Я все понял и искренне принял... Я прошу еще раз поддержки в том, чтобы мне дали успокоиться, вывели меня из невозможного состояния “дежурного” примера всех нелепостей и несуразностей. Я прошу также немного объективности. Не забывайте и положительных сторон моей работы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.